

— Да брошь ты, желающих присосаться и без того хватает, сокровище ты мое, братец наш — один из лучших в семье.

— Он и так был слишком высокомерным, а теперь, став лучшим, и вовсе задрал нос к небесам.

.....

— Да как вы можете так говорить о Сяо Цзине? Как-никак, он ваш младший брат, зря только вас рожала.

Услышав, что гости уже прибыли, матушка Лу тут же бросила поднос с фруктами, схватила кухонный нож и выбежала на улицу, размахивая холодным оружием, чтобы проучить собственных детей.

— ...Кто бы говорил, матушка, но тебе точно не положено произносить эти слова. Ты же жалуешься в несколько десятков раз больше нашего.

— Именно, именно!

Стоявший в самом центре двора Хуан Лэ обладал превосходным слухом — настолько острым, что каждое произнесенное этими людьми слово без потерь отпечатывалось в его мозгу. Он никак не мог взять в толк: пусть у Лу Цзина и были кое-какие недостатки, но неужели они способны довести до головной боли всю семью? Если взять его самого в качестве примера, то он ведь тоже во многих отношениях далеко не идеален, но при этом является всеобщим любимцем дома. Ах да, если не считать отца, ведь в глазах отца существует лишь один человек.

Лу Цзин взял Хуан Лэ за руку и, не давая тому опомниться, потащил за собой к толпе родственников.

— Давайте-лавайте, Сяо Лэ, держи куриную ножку, она невероятно вкусная.

Лу Цзин зажал палочками последнюю тушеную куриную ножку и уже собирался положить ее в чашку Хуан Лэ, но... Палочки матушки Лу на лету изменили траекторию и опустились прямо в пиалу Лу Цзина.

— Э-э, Лу Цзин, ешь побольше.

Уголки губ Хуан Лэ судорожно и несколько зловеще дернулись. Не то чтобы он жаловался, но домочадцы семьи Лу вели себя чересчур гостеприимно: едва успела трапеза начаться, как его пиалу уже наполнили с горкой. И как теперь к ней подступиться?

Поняв замешательство Хуан Лэ, Лу Цзин заботливо поставил перед ним небольшую тарелочку

и переложил в нее большую часть горы еды. Этот самый обыкновенный жест заставил замереть всех присутствующих членов семьи Лу, за исключением самого Лу Цзина.

Прадедущка семейства Лу по рассеянности выдернул у себя волосок из драгоценной бороды и даже не заметил этого, а его глаза размером с бычьи яйца выкатились из орбит еще сильнее, казалось, готовые выпасть окончательно. Дедушка и бабушка Лу втягивали лапшу и случайно швырнули ее себе прямо на лица — что ж, упругость лапши и впрямь полностью соответствовала обещаниям на упаковке, эластичность зашкаливала. Старший сын семьи Лу еще не успел проглотить еду, как она намертво застряла у него в горле, едва не придушив бедолагу. Он схватил стоявшую рядом чашку — неизвестно даже, чью именно — и собирался сделать глоток, но младшая дочь семьи Лу тут же выбила ее у него из рук. Вода брызнула прямо на лицо второго сына, а застрявшая во рту старшего еда угодила на макушку его собственному ребенку, так что малыш завопил от испуга так, будто его режут...

— Что с ними такое? — эта семейка казалась донельзя странной; по сравнению с ними его собственная семья выглядела верхом нормальности.

— Не обращай внимания, ешь давай.

Лу Цзин холодно окинул взглядом своих родных.

До чего же морозно... Члены семьи Лу одновременно вздрогнули и пришли в себя.

Как же хорошо... Наслаждаясь этой прохладой, Хуан Лэ совершенно позабыл о том, где находится, и почти всем телом прижался к Лу Цзину — о нет, не почти, он уже прижался к нему вплотную.

С этого момента в глазах семейства Лу Хуан Лэ превратился в некое божество. И не по какой-то особой причине, а лишь потому, что ему удалось приручить этого «демона» по имени Лу Цзин.

Как бы хотелось, чтобы так продолжалось всю жизнь.

Суждено ли надеждам семьи Лу оправдаться и продлиться всю жизнь? Если вы спросите меня, откуда мне знать? И тем не менее, десять лет спустя они все еще были вместе, хотя многое вокруг уже давным-давно изменилось.

— Лу Цзин! Немедленно убери этого сорванца с меня! Этот паршивец вознамерился испить материнского молока, совсем совесть потерял! Отец — мерзавец, и ребенок точно такой же мерзавец, яблоко от яблони недалеко падает... Эй-эй-эй, поганец, я тебя предупреждаю, если ты еще хоть раз прикоснешься к нему, я тебя убью! Не думай, раз ты родился из моего чрева после девяти месяцев вынашивания, мне станет жаль тебя бить!

Услышав, что папаша может сорвать злость на младшем сыне, Лу Бу стремглав бросился к Хуан Лэ, выхватил у него из рук младенца и принялся бережно укачивать. Он осторожно покачивал крошечное тельце брата, изо всех сил стараясь его рассмешить.

— Сяо Лэ, ну как можно быть таким бессердечным по отношению к собственному ребенку? Помнишь, когда я тебя родил, то баловал до безумия: боялся уронить — разобьется, боялся во рту держать — растает. Тебе бы поучиться у твоего папы.

Отец Хуан Лэ прижался к груди своего супруга, заигрывая с их трехлетним внуком.

Прямо-таки чушь собачья, — Хуан Лэ бросил на Лу Цзина свирепый взгляд.

Лу Цзин выразил полное непонимание и невинность. Откуда ему было знать, что Хуан Лэ, будучи мужчиной, действительно способен рожать? Ладно, возможно, еще очень давно он и догадывался о такой способности, но никак не ожидал, что тот наплодит столько детей. Ну хорошо, пусть это его вина — он вечно забывал про контрацепцию, да и какой толк вообще от этих презервативов со всевозможными дырочками... В конце концов, мужчинам всегда хочется иметь побольше детей от любимого человека.

— Если ты заставишь меня рожать в следующий раз, я задушу младенца собственными руками, посмотрим, какой еще ублюдок после этого осмелится выскочить на свет, — сквозь зубы процедил Хуан Лэ.

Впрочем, звучало это не слишком убедительно, ведь подобные угрозы он повторял уже лет восемь-девять, и все вокруг давно привыкли.

— Сяо Лэ, как ты можешь говорить такое? Рождение детей — это же такой повод для гордости! Твой папа тебе ужасно завидует: надо же, какое у тебя сокровище к сокровищу.

Уголки рта Хуан Лэ снова задергались...

— Как замечательно, детки такие милые, послушные и разумные...

— ...Папа.

— Чего тебе?

— Если память мне не изменяет, это ты ради того, чтобы больше не рожать, сбегал из дома бесчисленное количество раз? И с Лу Цзином я столкнулся тоже по твоей милости, а?

Верно. В свое время отец притащил его именно в то невыносимо жаркое местечко в поисках блудного папы. К тому же, именно папа уверял, что роды способны изменить телосложение,

из-за чего он и согласился рожать столько раз.

— ...Э-э, ну, это...

Я ничего не слышал, абсолютно ничего не слышал, — отец Хуан Лэ с самым бесстыдным видом уставился в окно. — Ха-ха, какая сегодня прекрасная погода.

Заварив молочную смесь и вручив бутылочку старшему сыну Лу Бу, Лу Цзин взял Хуан Лэ за руку и усадил на их любимый диван. Хуан Лэ демонстративно отвернулся в другую сторону, показывая всем видом крайнее презрение, и упорно не смотрел на Лу Цзина.

Впрочем, на этот случай у Лу Цзина имелся собственный безотказный подход.

— Скучать не придется: со следующей недели у меня начнется полумесячный отпуск. Если хочешь, мы можем отправиться на Гавайи. Разумеется, только вдвоем, ну как тебе идея?

Когда любимый мужчина умасливает тебя столь нежным голосом, разве сможет хоть кто-то противиться и продолжать дуться?

Хуан Лэ надул губы и повернулся к повзрослевшему и возмужавшему Лу Цзину. На душе у него сразу стало сладко-сладко, но показывать этого он, конечно же, не собирался.

— Я еще хочу в тропический дождевой лес.

— М-м, хорошо.

Поцеловав возлюбленного в лоб, Лу Цзин подумал, что он поистине счастливейший человек на свете. Имея такого мужа, о чем еще можно мечтать? Крепко сжав руки друг друга, они переглянулись и улыбнулись. Они будут идти рука об руку и дальше, до тех пор, пока оба не превратятся в седовласых стариков, и продолжат свой путь.

С чего бы человеку, панически боящемуся жары, вдруг начать любить поездки в жаркие края?

Три года назад, после рождения третьего ребенка, непереносимость жары у Хуан Лэ действительно прошла. Мало того, он страстно полюбил проводить отпуск в знойных курортных зонах.

А что же Лу Цзин? Как вы думаете? Хуан Лэ по-прежнему обожал греться в его объятиях, только вот сами эти объятия уже давно перестали быть ледяными...

Он действительно оказался прекрасным мужем для семьи Хуан.

Он и впрямь стал счастливой звездой для семьи Лу.

012 Неотвратимая судьба

Гадание — вещь окутанная глубокой тайной. Каждый стремится заглянуть за завесу его чудес, желая узнать, правда это или ложь. Однако в этом мире и впрямь существуют избранные счастливчики, которым не нужны ни долгие тренировки, ни озарения, чтобы получить истинную передачу древнего рода. Все они принадлежат к числу чрезвычайно загадочных и наделенных величайшими надеждами существ — жриц.

Способности жриц даруются им от рождения. Одни могут зреть прошлое, но слепы к грядущему; другие видят будущее, но лишь урывками; третьи же, хотя и не способны прорицать чужое прошлое, ведают абсолютно каждым поворотом судьбы конкретного человека, причем эти пути не способна изменить ни одна внезапная случайность. Согласно столь разным дарам, жриц подразделяют на три ранга: весенние, летние и осенние. Обладающие высочайшей силой осенние жрицы несут на себе обязанность продления рода, и подавляющее большинство из них рождает исключительно детей одного пола. В крайне редких же случаях на свет появляются мальчики, и таких юношей именуют зимними жрецами.

Ло Гого — имя, звучащее одинаково двусмысленно и для юноши, и для девушки. Для девочки оно звучало бы мило, но если носить его парню... Ну, вы сами понимаете!

Из-за столь комичного имени Ло Гого не меньше сотни раз выражал родителям протест, но всякий раз получал отказ. Опасаясь, что сын самостоятельно сменит паспортные данные, родители спрятали даже справки о прописке в сейф с кодовым замком, обеспечив целых семь уровней защиты. Бедняге оставалось лишь горько плакать. К счастью, от природы Ло Гого обладал веселым нравом, оптимизмом и жизнерадостностью: раз суровую реальность изменить нельзя, оставалось лишь махнуть на нее рукой.

Прекрасным весенним утром, когда небо украсили пушистые барашки облаков, начался очередной рабочий день. Сегодня был вовсе не праздник, и подавляющее большинство трудящихся в поте лица сражалось на благо общества в надежде заработать побольше денег и пораньше обрести желанную свободу. Ло Гого тоже был одним из них.

Сидя перед монитором, он с громким стуком колотил по клавишам. Толстые очки с диоптриями почти в тысячу единиц придавали Ло Гого предельно заурядный и простоватый вид. Впрочем, все, кто знал его близко, прекрасно ведали: на этих очках вообще не было никаких диоптрий, и служили они лишь неким декоративным аксессуаром, который цеплялся за высокий нос Ло Гого и придавал ему более солидный и сосредоточенный вид.

Внезапно Ло Гого тяжело вздохнул, закинул правую ногу на подлокотник стула, а правую руку упер в бедро, подперев ею налитую тяжестью голову.

— Боги мои, да эти цифры — чистый код да Винчи! Чем дольше вглядываешься, тем сильнее раскалывается башка, да кто вообще способен в этом разобраться?!

Его громкое стенание в адрес компьютера отчетливо услышали даже в соседней переговорной, отчего шеф-руководитель «не удержался» и переломил пополам шариковую ручку в своей руке, а на его висках вздулись вены.

— И чего только этот менеджер с остальным руководством себе возомнили? Нулей столько, что на десяти пальцах не сосчитать, как это вообще сводить?! — Ло Гого снова шумно вздохнул, не скупясь на жалобы.

Лицо одного из начальников в переговорной искривилось от злости. Его злейший конкурент сидел прямо напротив и открыто наслаждался его позором, а этот бестолковый сопляк все продолжал и продолжал подкидывать противнику поводы для насмешек.

— С начальной школы и до самого университета братец так и выпустился, не осилив элементарное умножение с делением. И как теперь жить дальше?

И правда, все сотрудники компании Хуншэн прекрасно знали, что Ло Гого — полный профан в математике. Но почему же столь безнадёжного тугодума вообще приняли в столь крупную международную корпорацию? Как говорится, если Бог закрывает дверь, он обязательно оставляет открытым окно. Этим самым окном для Ло Гого стал его врожденный дар общения: многие клиенты доверяли исключительно ему, а самые несговорчивые и капризные заказчики при виде Ло Гого моментально становились шелковыми. Именно поэтому Ло Гого, проработав всего месяц стажировки и удержав для компании трех крупных клиентов, вполне заслуженно остался в штате, а спустя три месяца перешел в категорию постоянных сотрудников на золотой должности.

В переговорной царил мертвая тишина, даже генеральный директор побледнел и нервно покрылся испариной. Стоит отметить, что сегодня на переговоры прибыла сама корпорация Тен, чье имя гремело на весь мир. Заключение партнерства с ними сулило колоссальные преимущества на международном рынке.

— До чего же спать хочется, подремлю-ка немного... — совершенно не осознавая, какую бурю он только что поднял, Ло Гого всерьез вознамерился вздремнуть прямо в рабочее время под носом у начальства.

Едва он умолк, как президент корпорации Тен, до этого молча сидевший в уголке переговорной, неожиданно поднялся на ноги. У всех сотрудников Хуншэн сердца ухнули в пятки. Строго говоря, их проект для компании Тен был всего лишь мелким пустяком, и никто в душе не понимал, с какой стати их главный босс лично соизволил явиться на встречу. Чтобы выказать максимальное уважение, на переговорах присутствовал весь руководящий состав компании Хуншэн во главе с генеральным директором.

— Прощу прощения, я немедленно разберусь! — непосредственный начальник Ло Гого сделал стремительный шаг вперед, отчаянно пытаясь предотвратить катастрофу из-за выходки глупого подчиненного. Но не успел он дойти до двери переговорной, как ему преградили путь.

— Погодите...

— Все в порядке, не беспокойтесь, ничего страшного не случится.

Президент корпорации Тен лично отворил и тут же затворил дверь перед носами изумленных людей.

...Только безумец стал бы оставаться в переговорной после такого. Первым вылетел начальник Ло Гого — еще бы, ему вовсе не улыбалось умирать столь нелепой смертью. А если уж суждено пасть жертвой обстоятельств, он поклялся собственноручно придушить Ло Гого, чтобы хоть немного утолить жажду мести.

Сотрудники же компании Тен лишь загадочно улыбались. Они прекрасно знали, ради чего их шеф предпринял этот визит, однако им еще ни разу не доводилось лицезреть истинный облик жены президента, так что нынешняя поездка стала отличной возможностью удовлетворить собственное любопытство.

Подперев клонящуюся к стону голову, Ло Гого ничуть не боялся разоблачения. У него имелась банда преданных коллег, которые всегда были готовы прикрыть его спину и проявить солидарность, благодаря чему он благополучно пережил уже не одну смену времен года.

В поле зрения присутствующих вторгся незнакомый мужчина — с густой окладистой бородой, мощным... нет, скорее, просто внушительным телосложением. Он был обут в сверкающие туфли из натуральной кожи, но при ходьбе не издавал ни звука, что выглядело донельзя жутковато. Именно эта странность заставила окружающих замереть отупев, мгновенно позабыв как о собственных обязанностях, так и о корпоративной солидарности.

Непосредственный начальник Ло Гого был готов разрыдаться: обычно, когда он сам устраивал внезапные проверки, подчиненные действовали дружно — все прекрасно знали, что Ло Гого прохлаждается и бьет баклуши изо дня в день, но поймать его за руку никому не удавалось. А тут посторонний человек уличил его в лодырничестве с первой же попытки. То ли плакать тут, то ли смеяться — было совершенно непонятно.

Сняв пиджак, мужчина бережно накинул его на плечи Ло Гого, страшно боясь, что тот простудится. Этот жест поверг сотрудников Хуншэн в абсолютный шок: они отказывались верить собственным глазам, а очки начальника Ло Гого со звоном рухнули на пол.

О небеса, и этот парень еще звался скромником?! Он и впрямь оказался сущей девицей из благородного семейства, как они и воображали... Как бы не так! Сотрудники компании Тен реагировали куда эмоциональнее: они в голос завывали, вскинув руки к головам и оплакивая крушение своих прекрасных иллюзий. Верните им их фантазии!

В поднявшемся шуме Ло Гого даже не думал продолжать спать. Он сонно разлепил глаза и огляделся по сторонам.

Мужчина ловко подхватил Ло Гого на руки, заботливо устроив его поудобнее, бросил суровый взгляд на собственных подчиненных, а затем обратился к генеральному директору Хуншэн:

— Господин Цинь, вы не возражаете, если я ненадолго одолжу Гого?

Генеральный директор Хуншэн судорожно дернул уголок рта, испытывая дичайший стыд за столь нелепое зрелище:

— А... да, конечно.

Получив разрешение, мужчина решительным шагом вынес Ло Гого из помещения, не оглядываясь назад.

— Он... Ло Гого... Он... Они... Контракт... Он...

— О, не беспокойтесь, господин Цинь, можете расслабиться. Мы можем войти и подписать контракт прямо сейчас. А что касается вашего сотрудника Ло Гого... если мы не ошибаемся, это наш будущий господин президент.

— ... — по залу пронеслась зловещая тишина.

Европейские свадебные церемонии издавна славились своей священной красотой: невеста в белоснежном длинном платье под присмотром пастора и в окружении близких целует любимого мужчину. Но на сей раз все выглядело несколько иначе.

— Скажите, мистер Смит, берете ли вы в законные супруги мистера Ло Гого и клянетесь ли перед лицом собравшихся любить его, лелеять, хранить ему верность в богатстве и бедности, в болезни и здравии, не покидая до самого конца и любя вечно, всю свою жизнь? Вы согласны?

— Да, согласен!

— Скажите, мистер Ло Гого, согласны ли вы выйти замуж за мистера Смита, став его законным супругом, и клянетесь ли перед лицом собравшихся любить его, лелеять, хранить ему верность в богатстве и бедности, в болезни и здравии, не покидая до самого конца и любя вечно, всю жизнь? Вы согласны?

— Да, согласен!

Сладостная атмосфера слившихся в поцелуе влюбленных вогнала в краску даже выдавшую виды осеннюю жрицу Дун Ай. Сидевший рядом с ней мальчик потемнел лицом от ужаса и яростно уставился на происходящее внутри хрустального шара, явно желая разбить проклятую вещицу вдребезги. Дун Ай прекрасно понимала бурю эмоций в душе сына и поспешно спрятала

хрустальный шар за пазуху.

Ло Гого резко вскочил на ноги, затопал ногами и с визгом бросился бежать:

— Я не буду выходить замуж! Убейте меня, но я не выйду за мужчину, похожего на медведя! Ни за что не выйду, слышите?! Я хочу повернуть свою судьбу вспять, я обязательно ее изменю!

Глядя на улепетывающего сына, Дун Ай лишь пробормотала себе под нос:

— Сынок, ты не выходишь замуж, ты берешь в мужья. К тому же... факт остается фактом, и изменить его не под силу никому.

Правда, она и сама никак не могла взять в толк... почему же избранник ее сына выглядит именно так? Сплошная борода на пол-лица, и ведь находит же кто-то в этом особую западную... привлекательность?! Пожалуй.

Тринадцать лет спустя, в одной из знаменитых церквей Франции.

— Не хочу, Мор, я не хочу!

За день до свадьбы по настоянию пастора Моррель привез своего возлюбленного в церковь, чтобы провести генеральную репетицию. Все шло как по маслу и невероятно гладко, но в самый ответственный момент Ло Гого упрямо отказался следовать сценарию.

— Мор, я не хочу, чтобы твоя борода меня колола, может, обойдемся без поцелуя?

Ло Гого умоляюще захлопал своими большими глазами, надеясь с помощью этого маневра усмирить и Морреля, и вековые традиции.

— Тогда я сбрею бороду.

Любимый человек стоял прямо перед ним, но он не имел права его поцеловать — какая же это чудовищная жестокость!

— Ни в коем случае!

Слова Морреля заставили Ло Гого взвизгнуть так пронзительно, что этот вопль ничуть не уступал оперному сопрано.

— Категорически запрещаю! Если ты с бородой, то это ты меня не стоишь, а если ты ее сбреешь, тогда что со мной делать?!

Он вовсе не собирался слушать насмешки окружающих о том, что он недостойн Морреля — в конце концов, это была его последняя линия обороны как мужчины.

И впрямь, когда много лет назад они с Моррелем только сошлись, тот выглядел точь-в-точь как принц из сказки: богат, влиятелен, богат властью и статусом, а его таланту и красоче завидовали сами боги. Не хватало лишь второй половины, и, пожалуй, встреча с Ло Гого стала для Морреля величайшим испытанием от небес. Но в глазах самого Морреля именно Ло Гого являлся главным и непревзойденным счастьем всей его жизни. Ради него он был готов пойти абсолютно на все, включая ношение густой окладистой бороды.

013 Отказ от вечеринок

Хуамяо звучало довольно изысканно, да и содержало в себе глубокий смысл. Независимо от того, были ли это коренные местные жители или приезжие, едва ли нашлось бы много людей, не ведающих об этом месте. С наступлением темноты Хуамяо превращалось в настоящее царство мрака.

Яньян с громким стуком колотил по клавиатуре, выбивая квинтэссенцию китайских иероглифов, и, недовольно ворча, отправил в ответ пару озадаченных смайликов. Несмотря на огромное расстояние и отсутствие языкового барьера при переписке, каждый в беседе отчетливо понимал: этот некогда круглый отличник и бывший одноклассник снова превратился в трудного подростка.

— Ну что опять стряслось? Староста, ты ведь не хочешь сказать, что понятия не имеешь, где находится Хуамяо?

— ...?

— ...

— ...?

— Ладно, забей, я сам заскочу за тобой.

<http://bllate.org/book/21152/2144337>